Таков, на наш взгляд, истинный смысл образа, развернутого в ответе пленных, показавшемся Батыю столь мудрым.[1]

Какое значение имеют наши наблюдения для понимания песни в целом?

Дело в том, что многие народнопесенные образы существуют не сами по себе, не изолированно, но в ряду других образов, в определенной художественной системе, и несут в себе определенное художественное обобщение. Так, образ битвы-пира всегда развивается в песнях о поражении, о военной неудаче (это прекрасно понимал автор „Слова о полку Игореве", давший гениальную вариацию этого образа в картине разгрома русских войск); образ битвы-встречи и „угощения" врага связан с темой отпора чужеземному нашествию, с темой стойкого сопротивления врагу. В поздних исторических песнях он связан также с темой победы, изгнания противника.

В свете всего сказанного становится понятным, что сюжет предполагаемой песни о Евпатии Коловрате строился на основной теме — отпора захватчикам. Естественно предположить, что в этой песне был мотив похвальбы Батыя, предшествовавший выступлению Евпатия. Ведь именно как патриотический ответ на эту похвальбу, на наглые притязания татар воспринимаются слова пленных о том, как они „потчуют" войска Батыя. Отсутствие этого мотива в тексте рассказа легко объяснимо — он дан автором в самом начале „Повести": Батый „присла на Резань... послы безделны, просяща десятины в всем: во князех и во всяких людех, и во всем... И яряся-хваляся воевати Русскую землю. И начаша попросити у рязаньских князей тщери или сестры собе на ложе" (стр. 288).

Вопрос же Батыя, обращенный к пленным: „Коеа веры еста вы, и коеа земля, и что мне много зла творите?", — не связан органически с образом, развивающимся в ответе русских воинов, и не вызывает впечатления действительно песенного.

Важное место в эпизоде „Повести" занимает единоборство Евпатия с Хостоврулом. В редакции Основной Б первого вида имя татарина — Таврул. Приведем весь текст редакции Основной Б второго вида: „...посла шюрина своего Таврула, а с ним велику рать татарскую на Еупатиа. Таврул же похвалися пред царем, и хотя Еупатиа жива привести. И обступиша всеми полки силными Еупатиа, и хотя его жива яти. И Еупатий же исполин силою, и съехася с Таврулом, и разсече Таврула на полы до седла" (стр. 336). Предполагаю, что именно последний текст из всех трех основных редакций ближе по стилистике к песенному.

Мотив единоборства русского богатыря с татарским встречается в некоторых былинах и примерно в той же ситуации, т. е. встреча происходит в разгар боя. В этом случае татарин имеет вполне человеческий облик (в отличие от былин на тему борьбы богатыря с иноземным

---

[1] Использование образа-символа „битва — встреча и проводы гостей" в „Повести" — не единственный случай в древней русской литературе. С отголосками этого же образа в его дальнейшем развитии мы встречаемся в различных редакциях „Повести о Мамаевом побоище" (в речи князя по адресу приближающихся татар: „Се оуже гости наши приближилися и ведуть промеж собою поведеную, предние оуже испиша и весели быша и уснуша" — редакция третья; ср. также редакции вторую и четвертую: С. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище. М., стр. 65, 29—30, 114) и в „Задонщине" (в насмешливых словах фрягов по адресу Мамая: „Нето тебя князи руские гораздо подчивали, ни князей с тобою ни воевод? Нечто гораздо упилися у быстрого Дону на поле Куликове на траве ковыле?": Труды ОДРЛ, т. V, 1947, стр. 204).